

Головы этих двоих могли выдумывать только обидные выражения, но для того, чтобы ловко ответить У Чану, им не хватило приткности — насколько они были богаты, настолько и глупы. Не найдя, что сказать в ответ, они бросили оскорбленные взгляды на Го Бохая и, объединившись в своем негодовании, завалили его репликами:

— Вы же наставник, а как-то плохо его воспитали!

— Да за такое поведение учитель меня по спине высек бы! Без сомнений!

Уважения к старшим у них также не было. Го Бохай понимал, что две бешеные кошки пытаются залезть к нему на шею. Но будто бы он не попадал в подобные ситуации? Лучше всего будет позволить им высказаться и не пытаться вступать в беседу. Го Бохаю хватило бы и ума, и рассудительности плавно повернуть все вспять, но зачем на это тратить свои силы? Особенно когда лягушка на дне колодца так громко квакает [1]. «Не говори, если это не изменит тишину к лучшему», — подумал он и сам последовал этому совету, спрятав ладони за спину.

[1] Китайская идиома «лягушка на дне колодца» описывает человека, который обладает ограниченными знаниями о мире.

Бань Лоу, наслаждаясь полученным преимуществом, продолжил изливать свою обиду:

— Молодой господин У, признайтесь, что с детства мне завидуете. Вы не единственный, кто на Севере готовится к вознесению, вот и раздражаетесь на меня всякий раз, не так ли? Незавидное положение, в которое я попал. Я бы не стал докладывать отцу о происшествии на западной площади, когда у меня украли все деньги, но... имел ли я право отступить, зная, что за этим стоите вы, наследник клана У?

Услышав это, У Чан дернулся, шагнул в наступление, словно действительно намереваясь ударить юношу, однако все же остановился — ладонь, сложенная в кулак за спиной наставника, распрямилась, и это был приказ временно отступить. Стоявший плечом к плечу с У Чаном Го Бохай был уверен, что воспитанник все поймет. Ему пришлось нарушить молчание:

— Отчего же сын начальника округа так решил? Нужно быть твердо уверенным в подобных обвинениях.

Ошарашенный вполне простым вопросом, Бань Лоу сдал позиции, уступив своему компаньону. Цюань Миншэн продолжил:

— Как с чего? Он же постоянно таскается на блошинный рынок, его там уже как за родного принимают, несложно догадаться, что это он подстроил!

— Подожди, — схватил его за рукав Бань Лоу. — Ты несешь околесицу.

Го Бохай слушал каждое их слово, но его взгляд заострился на первом юноше. Тот явно поддался небольшой панике после вопроса: об этом говорили отведенный взгляд и напряженные брови.

Го Бохай задал второй уточняющий вопрос:

— Молодой господин Бань Лоу, можете ли вы описать обстоятельства, при которых вы остались без денег по вине моего ученика?

Настрой Бань Лоу изменился сильнее: нападавший тигренок сам загнал себя в тупик. А затмивший своей аурой спокойствия пылкий характер воспитанника Го Бохай приподнял бровь.

Цюань Миншэн решил снова вступить в диалог:

— Разве господин Бань обязан отвечать на подобные вопросы? Он все доложил начальнику округа и уж точно не стал бы врать о том, что видел!

Го Бохай задал третий уточняющий вопрос:

— Значит, вы видели молодого господина У? Раз вы видели, то я не стану вас более задерживать. Вот только скажите, сколько вы потеряли тогда? Моя обязанность исправить проступок ученика.

В ответ последовали молчание и недовольный взгляд. Мужчина запустил руку за пояс и достал небольшой денежный мешочек. Медленно потягивая за плетеную веревку, что отвечала за сохранение содержимого, под ошарашенные взгляды троих юношей Го Бохай начал вынимать монеты.

— Уважаемый господин Бань, — обратился он, — прошу, протяните ладонь.

Непонимающий Бань Лоу послушно сделал, как его попросили, и в его руку легла одна монета, выкованная из серебра. Их взгляды моментально встретились, и юноша узрел сковывающий его холод в безразличных серых глазах. Не отводя взор, наставник вновь опустил свою руку в мешочек и двумя пальцами достал еще.

— Возможно, это загладит вину? — проговорил он, складывая монеты одна на одну.

Три, пять, семь, восемь — стопка росла, приобретая вес, и начала трястись в молодой руке. Но что так могло напугать Бань Лоу? Деньги? Немыслимо! Он и не такие горы монет видел. Возможно, их вес как-то давил на его совесть. Не обращая внимания на У Чана, что краснел от злости, Го Бохай достал еще одну монету.

— Девять? — удивился он. — Неужели так много? Извините, но до меня доходили слухи, что ставки в игорных домах заканчиваются на восьми серебряных монетах...

Слова Го Бохая ударом молнии прошли по юноше с протянутой рукой, да так, что его лицо моментально побледнело, а на лбу проступили капельки пота. Бань Лоу дернулся и шагнул назад, но ладонь наставника сжала вложенные монеты и подтянула руку обратно. Словно змей, удерживающий свою добычу, не отпуская и наблюдая за каждым движением ее лица, Го Бохай хладнокровно обронил:

— Уважаемый Бань Лоу, признайтесь честно... сколько вы потратили тогда? Разве правильно говорить, что деньги у вас отняли?

Юноша под натиском руки, тянущей вперед, вздрогнул, когда его кисть сдавили сильнее. Бань Лоу смотрел на свою ладонь, на холодный взгляд, адресованный ему, и снова на руку, предпринимая попытки вырваться.

Цюань Миншэн, не придумав ничего лучше, схватил приятеля за плечо и торопливо воскликнул:

— Нам пора!

И под этот испуганный голос рука Го Бохая разжалась. Вырвавшись, оба юноши торопливо, как мышки, скрылись среди гуляющих господ.

У Чан более не мог сдерживать возмущения:

— Зачем вы отдали им свои деньги? Ведь я им ничего не должен!

Продолжая вести себя как ни в чем не бывало, Го Бохай затянул узелок на мешочке, повернулся и ответил с улыбкой:

— Что ж, эти монеты останутся им на память, а ложь никогда не бывает постоянной. У Чан никогда не понимал подобных выражений, наполненных глубокой мудростью наставника. То «шагая вперед, не забывай поглядывать назад», то «то, что кажется легким, приобретая, становится неподъемным», то «береги память предков, как бережешь свои пальцы» — их было много озвучено за не целое десятилетие, и пока что лишь одну фразу У Чан смог по-своему усвоить: «Не говори, если это не изменит тишину к лучшему». Наследнику и так в семье мало разрешали озвучивать свои мысли и желания, отчего он злился, однако с этим выражением ему молчание казалось здравым и даже необходимым выходом из многих ситуаций. Но, даже доверяясь полностью наставнику, У Чан никак не мог понять: «Как монеты могут проучить Бань Лоу?»

Все еще сверля недовольным взглядом толпу, в которой растворились два неприятных собеседника, У Чан добавил:

— Все же не стоило... — в глубине души он знал, что поступил бы иначе, и это только сильнее злило его. — Этот ученик теперь чувствует себя должным вернуть потерянные деньги учителя.

Го Бохай усмехнулся и положил руку на голову удрученного.

— Зачем же, — успокаивающе заговорил он, — этот молодой господин купил сегодня столько фруктов, что должным останусь только я. Давай скорее передадим их в поместье и отправимся за тем, что изначально хотели купить?

Как и во многих городах, в Тяньцзине за большой торговой площадью раскинулся черный рынок, прозванный блошиным. Найти здесь можно было что угодно, если знать, кого спросить и где искать. И той красотой, о которой рассказывали славные тяньцзиньские песни, это место не блистало. Продавая и покупая запретные или редкие вещи и скрывая свою личность, продавцы и покупатели считали, что тот шик и блеск, характерные для Блаженного места, здесь просто неуместны. Каждый, заходя сюда, хотел побыстрее приобрести то, что ему надо, и уйти, пока его лица не заметили.

Все пришедшие прятались под плащами, оружие же, наоборот, несли в руках. Проходя мимо одной настороженной парочки, Го Бохай преисполнялся возмущением: уж слишком опасно это место. Покупатели настолько пеклись о сокрытии своей личности, что даже лоскутка одеяний из-под длинного плаща не проглядывало. Их тканевые подола волочились по грязи, а сама дорога, неубранная и нерасчищенная, выглядела хуже помойки, куда с центральной площади Тяньцзинь ежедневно сбрасывали остатки еды. Го Бохай бывал в городе, и не раз, но никогда не думал, что чуть поодаль находится столь неприятное место.

«У Чан, и как часто ты здесь бываешь?»

Улицы блошиного рынка отличались от знакомых ему улиц центра Севера: тут все куда-то спешили, толкая друг друга, а обочины были усеяны бедным людом из соседних районов.

У Чан, заметив толпу из просящих, которые, как всегда, преграждали путь пешеходам, повернул за угол. Вместе с наставником он прошмыгнул через узкий проход между домами, однако только сейчас обратил внимание на потускневшее лицо идущего рядом.

— Учитель... прошу, не злитесь, — встревоженно заговорил он. — Этот ученик заранее не подумал. Все же не стоило вести вас сюда...

— У Чан... — Го Бохай хотел было что-то сказать, вот только пробившийся затхлый запах остановил его.

— Все же это была плохая идея... Давайте вернемся! — У Чан потянул наставника обратно, но тот не поддался.

Размеренно вдыхая ароматы лаванды и льна, исходящие от рукава, и найдя в себе силы, Го Бохай промолвил:

— У Чан, давай купим ту... — еще один вдох, — ту книгу и уйдем, хорошо?

Не зная, как быть, и продолжая сомневаться в правильности своего поступка, У Чан отпустил руку наставника и молча как можно быстрее пошел в сторону прилавка. С каждым шагом косые взгляды все больше приковывались к молодому господину и заставляли его чувствовать себя неловко. Когда он приходил сюда раньше, такое чувство его не посещало. Что же изменилось за последний месяц его наказания? Продвигаясь вперед и чувствуя, как глаза каждого встречного оценивают его, словно кусок мяса, он не выдержал и выругался про себя.

Терпеть их наглость больше не было сил. словно удар молота о наковальню, нога У Чана топнула о землю, и он резко повернулся к толпе, что провожала его своим взглядом. Удивлению юного господина не было предела: все смотрели не на него, а на человека в белых одеяниях, который шел за ним.

Го Бохай был единственным чистым кусочком неба среди черных, быстро передвигающихся туч. Несложно понять, что те, кто скрывался от других, были сильно удивлены такому храброму и глупому поступку: открыто заявиться сюда, не пряча своего лица, да и еще облачиться в белые одеяния, которые моментально приковывали взгляды публики.

Желая спасти растерянного учителя, У Чан подхватил его под руку и, прорываясь через толпу, повел вперед.

На бросании косых взглядов толпа не остановилась — распахивая невежд, наставник и его воспитанник мчались вперед, слыша удивленные охи за спиной. Юэ, что пыталась не упустить хозяина из виду, бежала за ними.

Вся эта картина закончилась тут, перед небольшим прилавком, усыпанным книгами и разными защитными талисманами. Как только У Чан подбежал к нему, продавец сразу же радостно обратился:

— О-о-о, молодой господин У! Давно вы не заглядывали к нам, этот скромный уже начал переживать, не случилось ли что с вами.

Средних лет мужчина, отличающийся лишь тем, что не старался скрыть своего высушенного

годами лица, улыбочиво поприветствовал наследника. Не смог скрыть он удивления и при виде второго человека. Переведя взгляд на белоснежную фигуру, он добавил:

— Приветствую и вас, достопочтенный Го Бохай, — склоняя голову в знак уважения, незнакомый наставнику продавец произнес его имя, чем поразил обоих пришедших.

— Откуда... — тихо пытался поинтересоваться Го Бохай через рукав, но был перебит учеником.

— Уважаемый, мы торопимся! Не могли бы вы продать мне хоть какую-нибудь литературу, где было бы сказано о стражах чистилища?!

— К вашему счастью, у этого продавца имеются такие книги.

Человек в старых, но ухоженных одеяниях протянул тонкую рукописную книгу. Он улыбнулся, когда юный господин заметил ее.

— Слава Небесам! — благодарно воскликнул У Чан и протянул руку.

Го Бохай не мог позволить ученику купить книгу, не проверив ее лично, и тут же, опередив У Чана, перехватил ее. Мужчина за прилавком испугался резкого движения, отшатнулся в сторону, но все же передал книжицу в белую ладонь. На мгновение, которого хватило Го Бохаю, на руке продавца показался символ. Возможно, когда-то он был рыбаком дальнего плавания — люди этой профессии нередко наносили на кожу разные изображения на удачу. Но все же, когда наставник ее заметил, то посмотрел на реакцию продавца: мужчина в лохмотьях так же улыбался.

Прикрывая рукавом рот, Го Бохай сдавленно произнес: — У Чан, я должен ее прочесть, прежде чем мы ее купим! — Хорошо! — А пока я буду читать, сделай кое-что для меня. — Хорошо! Го Бохай напоследок посмотрел в сторону улыбочивого продавца, повернулся к ученику и огласил просьбу: — Найди, чем учитель мог бы утолить жажду. Просьба была весьма обычная. Однако не проще было бы вернуться в родное поместье? Или на южную площадь города, где было не счесть количества павильонов, готовых утолить жажду любого господина? Не поразмыслив над этим как следует, У Чан растерянно кивнул в третий раз и ринулся искать, оставив наставника с волчицей и продавцом.

Взяв книгу обеими руками, Го Бохай поинтересовался: — Откуда же этот продавец может меня знать? — Ну как же, все знают уважаемого наставника с горы

Хэншань! Сильнейшего и мудрейшего после главенствующего господина, владыки Севера! — ответил незнакомец.

Неожиданно Юэ оскалилась и зарычала. Бабах! — возле прилавка раздался грохот.

Го Бохай, воспользовавшись шансом, схватил руку отвлекшегося на волчицу продавца, потянул ее на себя и пригвоздил к прилавку. Приподняв своими пальцами лоскут одеяний мужчины, наставник увидел под ними необычный символ: черный глаз с пустотой внутри и солнечными полосами вокруг. Отметка темных богов, демонов, ни с одним другим подобное не спутать. Го Бохай подтянул продавца поближе и, не прикрывая рукавом свое лицо, спросил:

— Что именно ты продаешь моему ученику?

К удивлению наставника, мужчина за прилавком слегка улыбнулся и ответил:

— Я не понимаю, о чем говорит этот господин.

Даже при том, что его взгляд, направленный на хладнокровное лицо Го Бохая, был уверенным, тело говорило об обратном: как только продавец сблизился с наставником, он тут же принялся выдергивать руку, сохраняя натянутую улыбку.

— Уважаемый Го Бохай, — нервно залепетал подозрительный тип, — не стоит поднимать суматоху, вы так людей привлечете...

И завидев, как и без того следящая за каждым его шагом толпа начала пристальнее приглядываться, Го Бохай поумерил свой пыл. Он продолжал смотреть на продавца, сжимая его руку сильнее. Этот символ принадлежал культу демонов! Поэтому отпустить его просто так Го Бохай не мог. Но и спросить что-либо еще было невозможно, уж слишком странным было то, что толпу, пропитанную равнодушием, вдруг взбудоражил мелкий конфликт наставника с продавцом.

Интерес смертных к Небесам и их противоположности, миру демонов, с каждым годом необъяснимо рос: то писатель, что ранее сочинял прекрасные поэмы живущим наверху, вдруг восхваляет демонов в своих работах, то семейство достопочтенных господ оккультист начинает верить в одного из темных богов. Поэтому появление необычных культов и последователей среди местных не удивило бы наставника. Но этот символ был, пожалуй, самым страшным знаменем из всех.

Глаз означал, что демоны следят за смертными, пустой зрачок говорил о месте, где миры людей и демонов соприкасаются, а лучи — о свете, который нечестивцы несут смертным. Впутывая простых людей в свои авантюры, последователи культов медленно, но верно перетягивают молитвы смертных, посвященные небожителям, на сторону демонов. Зачастую это люди, что отработывали свой долг за исполненную демонами помощь. Но за всю жизнь Го Бохай слышал лишь о нескольких смертных, что изменили себе, душе и богам, выбрав грязную службу. Ему и в голову не приходило, что когда-либо один из таких окажется в кругу У Чана. Возможно ли, что демоны к чему-то готовятся?

Го Бохай, застыв перед прилавком, размышлял, что он может предпринять, находясь в незнакомом месте среди обезличенной толпы.

— Сколько вас здесь? — проговорил он.

Продавец все так же глупо и нелепо продолжал препираться, укрепляя в наставнике опасения. Ощущение, что сейчас все пойдет не так, как надо, не покидало Го Бохая, и он уже готовился к любому исходу. Даже по Юэ было видно: волчица на пределе своего недовольства. Любое неверное движение со стороны продавца, и она...

— Учитель! — окликнул звонкий голос

Го Бохай бросил взгляд на окружающую его толпу, и из нее выбежал У Чан. Юноша, несясь и распахивая преграды на своем пути, остановился рядом в попытке отдышаться.

Го Бохай уже успел неведь что подумать. Воспитанник выглядел так, словно от кого-то бежал. Взъерошенный и взмокший, он попытался сделать глоток свежего воздуха, прежде чем начать говорить:

— Учитель! Я... я не нашел то, что вы просили! — О Небеса! У Чан посмотрел на хмурого наставника, а после бросил взгляд на его руку, из-за чего Го Бохай сразу вспомнил:

«Торговец!» Он повернул голову к продавцу, которого уже не оказалось за прилавком! Го Бохай обнаружил, что теперь сжимает ту самую тонкую книжку о стражах чистилища.

Человек за прилавком испарился, словно его никогда не существовало. Наставник повернулся к воспитаннику и приказал:

— Уходим!

В попытках поспеть, У Чан оказался у центральных ворот города и даже не успел понять, что произошло. Го Бохай вложил книгу в пасть Юэ и теперь отдал приказ ей: «Быстро!» Волчице более и не требовалась: когда рука мужчины указала в сторону горы Хэншань, она незамедлительно сорвалась с места. После Го Бохай поспешно схватил ученика за плечо и, натянув ворот его одеяний, потащил за собой.

— Учитель?

Таким взволнованным и противоречивым У Чан видел его впервые: Го Бохай метался от одной улицы к другой, вздрагивал при виде толпы горожан, пятился назад и немедля менял свой путь.

— Учитель, — аккуратно заговорил У Чан, — этот ученик сделал что-то не так?

Прекратив наконец теряться в окружении, Го Бохай опешил. Он старался так быстро покинуть блошинный рынок и людей в плащах, что не заметил, как впопыхах его рука ухватила воспитанника за ворот, а У Чан покорно так и волочился за ним. Остыв и пребывая в неопишемом страхе от самого себя, Го Бохай отпустил одеяния, плененные его рукой, поправил их и произнес:

— Все в порядке, ты ни в чем не провинился. — Тогда отчего учитель так встревожен? Темные глаза взглянули на Го Бохая, и тот осознал, как нелепо только что выглядел, дав своему воспитаннику повод для переживаний. Ко всему прочему Го Бохай не знал, как объяснить свое переживание: продавец книг в одно мгновение исчез, что подтверждало связь с культом демонов. Значит, его точно нельзя назвать обычным смертным, он — последователь нечестивого пути! Кем он еще мог быть, если на руке был символ темных богов?

«Демон», — пробежала догадка в голове наставника, вызвав холодок на затылке.

И в эту же секунду Го Бохай осознал, насколько он прав. Смертные часто приписывали демонам сверхсилу, коварство, умение проникать в разум или сны беззащитных и даже подчинять стихии, как бессмертный повелитель энергии ян — небожитель. Считается, что только верхушка темных божеств, достигнув высокого уровня сил и известности среди себе подобных, развивает в себе определенную способность, и какую именно — никто предугадать не может.

Даже если спросить самого мудрого из бессмертных: «Объясните: один демон всю свою тленную жизнь пожирал души смертных и был жадным, а второй отличался от первого лишь своей завистливостью. Обе эти черты одинаково пагубны, так почему один стал настолько никчемным, что гниет среди мелкой нечисти, а другого молятся не встретить на своем пути? И если убрать их гордыню, заставляющую быть завистливыми и жадными, то что тогда для них поменяется?» — то он не сможет ответить. Всё в том мире, который все знали как царство демонов, подвержено хаосу и неопределенности.

Прошло много столетий с момента зарождения тьмы, скрытой на окраине Поднебесной, и за

это время среди хаоса родилось огромное количество условий, определяющих, станет ли демон низшим существом, прислужником одного хозяина, а то и нескольких сразу, или тем, чье имя заставит понервничать даже самых спокойных небожителей. Но этого никто не в силах предугадать, как бы умен и просветлен он ни был.

Даже Верховный совет изрядно попотел, разбираясь в завалах небесного хранилища в поисках истины. Но то, что известно наверняка: символ последователей культа демонов носят только смертные, как знак своего служения.

Поразмыслив, Го Бохай перевел дух и осознал: тот человек за прилавком так ничего и не выкинул, а значит, в действительности был никем. Следовательно — переживания наставника и выеденного яйца не стоят. Как говорится, хозяин без дома — дворняга, а дом без хозяина — сарай. Так и тут — этот последователь без своего хозяина не представлял особой опасности ни для Го Бохая, ни для У Чана.

Посчитав ненужным рассказывать все, Го Бохай вздохнул и с мягкой улыбкой промолвил:

— Этот наставник более не мог там находиться, для меня это было слишком. Извини.

Лицо У Чана вновь налилось красками. Чувствуя ответственность за случившееся, он наклонил голову и добавил:

— Вам было достаточно еще тогда мне сказать, что вам тяжело... Плохая была идея.

И хотя Го Бохай отделался от страха преследования, опасение, что тот продавец ждал не кого-то другого, а именно У Чана, не покидало его мыслей.

— Учитель! — У Чан снова вырвал наставника из раздумий. — Фрукты уже, наверное, доставили к подножию Хэншань. Давайте и мы не будем задерживаться?

В попытке изобразить на своем лице спокойствие Го Бохай мягко произнес:

— И то верно... — Но сам всеми силами пытался вспомнить: «Какие фрукты?»

<http://tl.rulate.ru/book/68131/1810953>